

Формирование рабочего класса в Центральном Черноземье в годы предвоенных пятилеток (1928-1941 гг.).

История развития промышленного потенциала в Центральном Черноземье в 20-50-е гг. XX века практически не изучена, тогда как наличие в центральных и местных архивах большого корпуса не введенных пока в научный оборот документальных материалов, позволяет проследить процесс превращения края в развитый аграрно-индустриальный район. В этой связи важной составной частью проблемы является рассмотрение аспектов истории индустриализации в годы предвоенных пятилеток. Представленные материалы почерпнуты из документальных источников.

Значительная часть материала содержится в информационном бюллетене «Известия областного комитета ВКП (б) ЦЧО», выходявшем в Воронеже в 1928-1934 гг., стенограммах XIV, XV, XVI Всероссийских и V, VI, VII Всесоюзных съездов Советов, в фондах 5674, 5472, 5467 и др. Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), фондах Р-174, Р-139 и др. Государственного архива Курской области (ГАКО), в сборниках Индустриализация СССР. Документы и материалы, т.1-3. – М., 1970-1972; Народное хозяйство Воронежской области. Стат.сб. – Воронеж, 1957; Народное хозяйство Курской области. Стат.сб. – Орел, 1958; Народное хозяйство Белгородской области. Стат.сб. – Орел, 1959; Народное хозяйство Орловской области. Стат.сб. – Орел, 1960; Народное хозяйство Тамбовской области. Стат.сб. – Воронеж, 1961; Народное хозяйство Липецкой области за годы Советской власти. Стат.сб. – Воронеж, 1967.

В конце 20-х годов XX века в Советском Союзе в ходе социалистического строительства начался процесс реконструкции народного хозяйства, главным звеном которого являлась индустриализация. К началу 40-х годов в промышленное производство влились сотни тысяч новых людей.

Существовало несколько источников кадрового пополнения промышленного сектора. Некоторые из работавших на производстве в годы военного коммунизма стали безработными в результате остановки предприятий. Восстановление предприятий и строительство новых объектов индустрии позволяло им вновь получить работу. Часть кадровых рабочих в годы хозяйственной разрухи вынуждена была покинуть заводы и уйти в деревню. Теперь они получили возможность вернуться на производство. Еще одним источником стало привлечение крестьян-отходников, которых в регионе в 1928-1929 хозяйственном году насчитывалось приблизительно 150 тыс., причем, 81,3% из них были задействованы в строительстве (1).

Реконструкция хозяйства в Центральном Черноземье уже к 1931 г. привела к исчезновению безработицы. Если на 1 апреля 1929 г. в регионе было зарегистрировано 115193 чел., не имеющих работы, то к началу 1930 г. – 39 тыс.чел., а в 1931 г. - официально была подтверждена практически полная занятость населения. Более того, на II област-

ном съезде Советов ЦЧО в феврале 1931 г. серьезно обсуждался вопрос о нехватке квалифицированных кадров для стремительно развивающейся промышленности: «одним из основных моментов в выполнении третьего, решающего года пятилетки является проблема кадров во всех ее направлениях» (2).

Выполнение задач сплошной насильственной коллективизации к концу 20-х годов привело к массовому оттоку населения из сельской местности. С 1930 г. главным источником пополнения рабочими промышленных предприятий, главным образом новостроек, становится деревня. Так, если в целом по СССР в 1926-1929 гг. численность рабочих пополнилась выходцами из деревень в среднем на 45%, а служащих почти на 7%, то в 1928-1932 гг. из 12,5 млн. нового пополнения рабочих и служащих 8,5 млн. составляли крестьяне. В этот период складывается система планового набора рабочей силы на селе во все отрасли народного хозяйства.

По ЦЧО в 1929 г. выполнение плана по организованному набору составило 138 тыс. человек, в 1931 г. — 550 тыс., в 1932 г. — 338 500 чел., при этом следует иметь в виду, что значительное количество людей уходило по вербовке на новостройки Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также Донбасса и Подмосковского угольного бассейна. Так, в 1931-1932 гг. из сельской местности ЦЧО туда было завербовано более 398,5 тыс. человек. (3).

Вместе с тем организованный набор рабочей силы через заключение договоров между предприятиями и колхозами на практике сопровождался целым рядом серьезных препятствий.

Во-первых, аппарат вербовщиков на новых заводах имел весьма существенные территориальные ограничения по вербовке. Существовал значительный список районов (в том числе и так наз. режимные зоны), вербовка на территории которых официально была запрещена.

Во-вторых, обещанные при вербовке условия предоставления жилья и оплаты труда достаточно часто не выполнялись.

В-третьих, большинство сельских Советов всячески препятствовали оттоку трудоспособного населения из колхозов. После проведенной в 1932-1933 гг. паспортизации сельсоветы получили право не отпускать колхозников на работу в город, поскольку для оформления трудового договора по новым правилам требовался не только паспорт, полученный по прежнему месту жительства, но и справка из правления колхоза о согласии на отход колхозника.

Архивные документы пестрят докладными уполномоченных по организованному набору, идентичному, например, жалобе из Лебедянского района ЦЧО, где единодушно отмечается, что «почти все сельсоветы и колхозы отказываются дать рабочую силу, мотивируя это тем, что нужно убирать просо и отсеяться». (4). В результате, если до 1931 г. основной формой кадрового пополнения рабочего класса Центрального Черноземья было распределение через биржи труда и отчасти организованный набор по договорам с хозяйственными органами, то с 1932-

1933 г., как отмечал Народный комиссариат труда РСФСР, «удельный вес организованного набора ... незначителен и потребность в рабочей силе комплектуется часто за счет самотека, на который большинство хозорганов продолжает ориентироваться». (5). Только в годы 2- и 3-й пятилеток организованный набор стал играть решающую роль в формировании рабочих кадров индустриальных районов.

Головной болью администрации промышленных предприятий Центрального Черноземья, как и страны в целом, в годы предвоенных пятилеток был поиск путей закрепления рабсилы на производстве. По ЦЧО в 1928-1932 гг. текучесть кадров достигала в среднем по отраслям 80%. Низовые партийные, профсоюзы, комсомол и активисты из квалифицированных рабочих пытались бороться с летунами: создавались так наз. рабочие заслоны, сообщения на новое место работы о количестве мест работы в трудовой биографии летуна, практиковались «черные доски», товарищеские суды, показательные похороны прогульщikov и летунов. Однако процент снижения текучести на производстве был незначительным. В среднем за 3- и 4-й квартал 1931 г. по ЦЧО он составил не более 1,5 % в месяц.

Еще одной злободневной проблемой являлась низкая производственная дисциплина прибывавших из деревень. В списке нарушений первое место занимали прогулы без уважительных причин, которые в 1929-1930 хозяйственном году по ЦЧО составили: в кирпичной промышленности – 3,4%, в мело-известковой – 4%, в химической – 6,2% (6).

В результате принимаемых администрацией и трудовыми коллективами мер, число прогулов за первое полугодие 1931 г. в ЦЧО по сравнению с 1930 г. сократилось приблизительно на 1,5 %, но все же продолжало оставаться высоким (по предприятиям тяжелой индустрии региона – 4,5%). Динамика прогулов в промышленности края в 1932 г. была следующей: 1-й квартал – 4,3%, 2-й квартал – 4,8%, 3-й – 4,2%, 4-й – 2,4% к общему количеству человеко-явок на работу. Таким образом, всего за год было потеряно 208263 человеко-дня. К концу года прослеживается определенное сокращение прогулов, поскольку помимо мер общественного воздействия, администрация предприятий начала строго исполнять специально принятый закон о прогулах (7).

Анализируя сложившееся положение на производстве и выявляя основные причины текучести рабочей силы и прогулов, в сентябре 1930 г. ЦК ВКП (б) отметил, что, во-первых, пришедшие из деревни рабочие не могли сразу «воспринять требования социалистической дисциплины труда; во-вторых, нередко были случаи недостаточного внимания к вопросам организации труда и быта рабочих со стороны заводоуправлений и профсоюзов». Одной из форм эффективного закрепления кадров на производстве ЦК ВКП (б) призвал считать т.н. «самозакрепление» рабочих. В воззвании «Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям» разъяснялось, что сознательные рабочие должны оформить с администрацией договор с обязательством о «самозакреплении». К февралю 1931 г. по ЦЧО на

116 заводах региона «самозакрепилось» 17% рабочих, из них в металлопромышленности – 3237 чел., в строительной – 1472 чел., в кожевенной – 900. Всего в ЦЧО к 1932 г. на заводах и фабриках «самозакрепилось» 85,8% работающих (8).

Важным звеном в решении проблемы обеспечения индустриального сектора региона рабочей силой стало широкое привлечение на производство женщин. Если в 1928 г. среди промышленных рабочих женщины составляли 18%, то к середине 1933 г. – 33,2%, что было близко к общесоюзным показателям, составлявшим тогда 33,7%(9). Постепенно возрастала и доля квалифицированного женского труда в промышленности ЦЧО в 1931 г. она составляла 9,3%, в 1932 г. – 14,7%, а в легкой промышленности – 62%(10). По Центральному Черноземью в период летнего (августовского) 1931 г. и зимнего (февральского) 1932 г. наборов в школы ФЗУ процент женщин составил в среднем 50%, при этом по кожевенно-обувной промышленности – 80%, полиграфической – 70%. 4 марта 1932 г. обком ВКП (б) ЦЧО принял постановление «О внедрении женского труда в промышленность», призванное создать условия для дальнейшего расширения возможностей и увеличении доли участия женщин в промышленном производстве. В постановлении отмечалось, что общий рост участия женщин в индустриальном производстве за 1931 г. достиг 29,9%, при этом в отраслях группы «А» - 18%, группы «В» - 53,5%. Вскрывались причины столь неравномерного распределения женского труда по отраслям: стремление ряда предприятий использовать женский труд на работах, не требующих квалификации; недостаточное внимание администрации предприятий и профсоюзов к проблемам и особенностям женского труда; невыполнение планов подготовки квалифицированных женских кадров (11). Выработывались меры по расширению процесса вовлечения женщин в производство по ЦЧО в годы 2- и 3-й пятилеток.

В результате проведения последовательной плановой политики по комплектованию и профессиональной подготовке рабочих кадров в Центральном Черноземье цензовая и мелкая промышленность региона в годы 1-й пятилетки была полностью обеспечена рабочей силой; в целом по Черноземью произошел резкий рост общей численности рабочего класса по отношению к общей массе населения края; шло систематическое увеличение удельного веса рабочих кадров Черноземья среди рабочего класса СССР.

Важно отметить не только рост численности рабочих в связи с увеличением объема промышленного производства, но и принципиальное перераспределение кадров по отраслям, повышение их квалификационного уровня. Число рабочих, занятых на предприятиях группы «А», за годы 1-й пятилетки утроилось, их удельный вес возрос с 24,8% в 1927-28 г. до 37,7% к 1932 г. При этом численность рабочих химической промышленности увеличилась в 14 раз, в промышленности по добыче и обработке минералов в 7,7 раза, в металлообрабатывающей промышленности – в 3,6 раза, в производстве строительных материалов – в 2,6

раза. Низкими были темпы роста рабочих кадров на предприятиях группы «В»: в легкой и пищевой индустрии. Так, число рабочих в производстве одежды возросло в 2,5 раза, пищевой индустрии – в 1,8 раза. Таким образом, в Центральном Черноземье четко прослеживается общая тенденция, имевшая место в СССР, по преимущественному росту рабочего класса в отраслях тяжелой промышленности (12).

В годы 2- и 3-й пятилеток уровень концентрации рабочего класса в Центральном Черноземье продолжает неуклонно возрастать. Так, в 1933-1937 гг. число заводов, имеющих более тысячи рабочих, составило треть от общего числа предприятий, а число работающих на таких заводах – 53% от общего числа рабочих, занятых на производстве в регионе, в то время как на 1928 г. эти показатели были 6,5% и 13,2% соответственно (13). Важно отметить, что по уровню концентрации рабочих машиностроительной отрасли ЦЧО находилась выше среднесоюзного уровня, поскольку 50% ее заводов объединяла около 77% рабочих данной отрасли, в то время как по СССР машиностроительных предприятий, имевших более 1000 рабочих, насчитывалось около 15,5% и они объединяли лишь 12,5% рабочих отрасли (14).

На ход выполнения планов 3-ей пятилетки (1938-1942 гг.) огромное влияние оказала начавшаяся в сентябре 1939 г. мировая война. Для этого периода характерен возврат к элементам милитаризации труда. Основная масса рабочих Центрального Черноземья с пониманием встретила указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (июнь 1940 г.). Наркоматы получили право по своему усмотрению перемещать рабочих и служащих с предприятия на предприятие, в том числе и в другие регионы страны. За трехкратное опоздание на работу в течение одного месяца могло последовать уголовное наказание. Учреждалась система трудовых резервов. Ежегодно проводилась мобилизация молодежи (до 1 млн. человек) для обучения в ремесленных училищах, выпускники которых обязывались отработать 4 года по распределению.

В целом, принятые меры в условиях нарастания военной опасности способствовали укреплению дисциплины и порядка на производстве, повышению всех показателей в работе промышленных предприятий ЦЧО. Так, на Новолипецком металлургическом заводе в 1940 г. текучесть рабочих кадров сократилась с 1197 до 337 чел., или в 3,6 раза, нарушения трудовой дисциплины снизились с 974 до 506 случаев, или на 52%, производительность труда в расчете на одного рабочего возросла с 10763 до 17299 руб., или на 16% (15). На фабриках легкой промышленности на территории Курского края в 1940 г. число прогулов сократилось почти в 12 раз, перевыполнение норм возросло на 9,3%, а среднемесячная выработка – на 3,2%.

Темпы роста рабочего класса по ЦЧО продолжали оставаться стабильно высокими и превосходили среднесоюзные показатели. Всего

с 1928 по 1941 гг. численность рабочих ценовой индустрии Центрального Черноземья выросла более, чем в 8 раз, в то время как по СССР в целом она выросла лишь в 2 раза, а по РСФСР – в 3 раза.

Примечания

1. «Ленинский путь», 1929, № 9. – С. 52.
2. Труд в СССР. 1932 год. Ежегодник. – М., 1933. – С. 80-81.
3. Там же. – С. 81.
4. Елисеева В.Н. О способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации СССР // Известия Воронежского пед. ин-та. – Т. 64. – Воронеж, 1967. – С. 55-65; ГАКО, ф. Р-174, оп. 1, д. 345, л. 14.
5. ГАРФ, ф. 382, оп. 17, д. 382, л. 7.
6. История индустриализации Центрально-Черноземного района, Т. 1. – М., 1957. – С. 236.
7. Демидов Р.Г., Кривцун Л.В. Социалистическая индустриализация и рост культурно-технического уровня трудящихся Центрального Черноземья (1928-1841 гг.). – Воронеж, 1978. – С. 94.
8. «Правда», 1930, 3 сент.; ГАРФ, ф. 4085, оп. 9, д. 388, л. 226.
9. Районы ЦЧО. Стат. справочник. Воронеж, 1930, С. 48-51; Г.Н. Серебряков. Женский труд в СССР. – М. -Л., 1934. – С. 237.
10. Четыре года социалистической реконструкции ЦЧО. Воронеж, 1932. – С. 78.
11. Краткий статистический справочник по Курской области за 1935 г. Курск, 1936. – С. 58; Экономико-статистический справочник по Воронежской области. – Воронеж, 1936. – С. 87; История индустриализации ЦЧО... Т. 2. – С. 401.
12. Там же.
13. История индустриализации ЦЧО... Т. 2. – С. 421-422.
14. Там же.
15. Краткий статистический справочник по Курской области, С. 58-60; Экономико-статистический справочник по Воронежской области. – С. 87-90.

Л.К. Сагитова

К истории библиотечного дела Белгородчины

Рост интереса к изучению истории отдельных регионов и областей объясняется современным видением значимости для общества тех социокультурных процессов, которые происходили в регионах в различные периоды их исторического развития.

Изучение истории библиотечного дела Белгородчины находится на начальном этапе. Отсутствие монографических работ объясняется в определенной мере слабым библиографическим и архивоведческим исследованием материалов, опубликованных в дореволюционных провинциальных изданиях, распыленных по фондам библиотек, музеев, архивов, частных коллекций. Открытие в Белгородском государственном университете и в Белгородском институте культуры специальности «библиотековедение и библиография» настоятельно потребовало по-